

Михаил Иванович Пыляев

Исторические колокола

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Иванович Пыляев

Исторические колокола

Серия «Старое житъе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=622605

*Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы: Эксмо; Москва;
2008*

ISBN 978-5-699-26293-9

Аннотация

«Начало употребления колоколов приписывается египтянам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов нисколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта...»

Содержание

I	5
II	43

М. И. Пыляев

Исторические колокола

*Колокол – это голос церкви, зовущий издалека и
посылающий равномерный привет дворцу и лачуге.
Паоло Мантегацца*

I

Начало употребления колоколов. – Значение слова «колокол». – Клепала и била. – Легенда о Пронском биле. – Сказание о древних новгородских колоколах. – Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные колокола. – Подразделение колоколов. – История набатного или вполношного колокола. – Вечевые колокола. – Колокола красного звона. – Пленные и ссыльные колокола. – Царские золотые и лыковые колокола. – Отливка колоколов. – Замечательные по звуку колокола. – Криптографические надписи на колоколах. – Искусство звонить. – Крещение колоколов. – Надписи на колоколах. – Царь-колокол и его история. – Иван Великий. – Большой Успенский колокол. – Случай при поднятии этого колокола. – Колокола Реут, Вседневный, Медведь, Лебедь, Широкий, Слободской, Ростовский, Немчин, Глухой и Корсунские зазвонные

Начало употребления колоколов приписывается египтя-

нам, по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола; у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с тою же целью, как у нас, – ими народ призывался к богослужению. Тибул Страбон и Полиций, жившие за двести лет до Р. Х, говорят о колоколах, а позднее Иосиф Флавий подробно описывает их в своих еврейских антиквариях. В Китае и Японии древность некоторых колоколов несколько не уступает древности Рима, Греции и даже Иудеи и Египта.

Слово «колокол», по догадкам некоторых ученых, имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било. Первые колокола при церквях на западе введены в употребление в конце VI века. Литье первых колоколов приписывают Павлину, епископу Нольскому, что в Кампанье; думают, что от этого и произошло латинское их название *campana* и *cola*.

При христианских храмах колокола, надо полагать, вошли в употребление на Западе не раньше конца VI или начала VII века; существует предание, что когда в 650 году войска Клотария осадили Орлеан, то Орлеанский епископ Луп велел звонить в соборный колокол при церкви св. Стефана; осаждавшие, испугавшись этого звона, приняли его за голос ангела и поспешно сняли осаду города. На Востоке колокола употреблялись весьма редко; при взятии Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только в

немногих местах Сирии и Палестины. Турки запрещали колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе.

Колокола, как у древних, так и у христианских народов употреблялись в разных случаях: звон их призывал народ в храмы, извещал о времени, возвещал о начале действий военных и выступлении войск в поход. В некоторых местах звонили в колокола, когда вели на казнь преступников, случался пожар в городе или смерть царя, епископа и даже частного лица. В небольших городах, как мы уже заметили, колокола заменялись клепалами, билами или просто досками, как, например, в Греции, где их называли «симандрами»; это были просто деревянные и железные полосы, в которые были палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквях – они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах.

В слободе Плотной, составляющей одно из предместий нынешнего города Пронска, на колокольне тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданию, заменявшее некогда в старину вечевой колокол. По рассказам старожилов, это било неизвестно для чего неоднократно переносили из Пронска верст за пять, в село Ельшину, но било опять уходило на старое место в Пронск. Предание говорит, что оно принадлежало женскому монастырю, ныне уничтоженному, бывшему на том самом месте, где теперь соору-

жена приходская церковь, сохранившая еще доселе чудное било. У этой церкви похоронены многие княжны и княгини Пронские. Било это положено «кладью» в церковь с тем, чтобы оно принадлежало вечно одной и той же церкви. И, по народному поверью, никакою силою невозможно присвоить била с того места, которому оно завещано.

О колоколах новгородских упоминается с XI века, как это видно из повествования о приходе в Новгород литовского князя Всеслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году, и из жития преподобного Антония Римлянина, приплывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.¹ Но колокола эти, вероятно, были другого устройства и едва ли сохранились до нас, хотя и признается преданием в Антониевом монастыре один небольшой колокол за колокол преподобного Антония Римлянина (1147).

О новгородской Филипповской церкви,² по случаю слития первого колокола в 70 пудов в 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большого и никакова и от создания церквей каменных св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лет, а было железное клепало». Также в церковной описи Зверина монастыря за 1682 год показана в числе клепал доска железная. Впрочем, до XIV века еще упоминается о колоколах вечевых и корсунских (Карамзин), а с XIV и XV

¹ О колоколах в Киеве упоминается в 1171 г. См.: ПСРЛ Т. 1 С. 100.

² Церковная летопись в Синодике XVIII в.

веков – о нынешних колоколах церковных. Первый из этих колоколов, как известно по летописям, слит в 1342 году к Софийскому собору московским мастером Борисом, по приказанию архиепископа Василия, а в XV веке при архиепископе Евфимии были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII веков, то от этого времени осталось немало колоколов и даже с надписями русскими и иностранными, указывающими на русских и западных колокольных мастеров.

Колокола обыкновенно отливаются из так называемой колокольной меди, состоящей из сплава 78 % чистой меди и 22 % олова. Но бывали примеры, что колокола делались из чугуна, стекла, глины, дерева и даже серебра. Так, в Китае, в Пекине, существует один колокол чугунный, отлитый в 1403 году. В Упсале, в Швеции, есть колокол из стекла, превосходного звука. В Брауншвейге, при церкви св. Власия, хранится как редкость один деревянный, тоже очень старый, лет около трехсот, называвшийся некогда колоколом св. великого пятка; он употреблялся во время еще католицизма, и в него звонили на Страстной неделе. В Соловецком монастыре находятся глиняные колокола, неизвестно когда и кем слепленные.

Колокола у нас существуют многих видов и названий. Так, известны *набатные, вечевые, красные царские, пленные, ссыльные, благовестные, полиелейные, золоченые* и да-

же *лыкковые*; существуют еще небольшие колокола под названием *кандия* или *звонец*. Им дается знать звонарю на колокольню о времени благовеста или звона.

Первый из набатных колоколов висел в Москве, в Кремле, подле Спасских ворот, в настенном шатре или полубашенке;³ он назывался также царским, сторожевым и всполошным; в него звонили во время нашествия врагов, мятежа и пожара; такой звон назывался «всполохом» и набатом.⁴ На этой полубашенке висел прежде, как полагали, вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Существует предположение, что Новгородский вечевой колокол был перелит в Московский набатный, или всполошный в 1673 году. По указу царя Федора Алексеевича, он сослан был 1681 года в Корельский Николаевский монастырь (где погребены дети Новгородской посадницы Марфы Борецкой) за то, что звоном своим в полночь испугал царя. На нем вылита следующая надпись: «лета 7182 июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот, весу в нем 150 пудов». К этой надписи прибавлена другая, вырезная «7189 года, марта в 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Федора Алексеевича всея великия и малыя России самодерж-

³ Государя российские после коронования своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

⁴ См.: Снегирев И.М., Мартынов А. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества М., 1848.

цу указу дан сей колокол к морю, в Николаевский-Корельский монастырь за государское многолетнее здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсение».⁵

По свидетельству старожилов, у другого набатного колокола, который висел на башне Спасских ворот после первого колокола и который теперь хранится в Оружейной палате, по приказу Екатерины II был отнят язык за то, что он во время Московского бунта в 1771 году сзывал народ: в таком виде он висел до 1803 года, когда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот вместе с большими пушками. По сломке шатра, он был сперва помещен в арсенал, а потом в Оружейную палату: на нем находится следующая надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Маторин».

Вот что находим о набатном колоколе в статье Г.В. Есипова:⁶ в 1803 году стены и башни Московского Кремля во многих местах начали разваливаться и Московская Кремлевская экспедиция озаботилась их исправлением, главноуправляющий Кремлевскую экспедицию П.С. Валуев, командировал чиновника в набатную башню с приказанием снять осторож-

⁵ См.: Щекатов А., Максимович Л.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде Ч. 1–7. М., 1801–1809.

⁶ См.: Исторический вестник. 1881. № 2. С. 418.

но колокол и сдать его в экспедицию для хранения в кладовой, впредь до исправления башни. Когда сняли колокол и хотели его везти в кладовую, явился офицер с солдатами и заявил, что комендант приказал оставить колокол на площади, и поставил к нему двух солдат. Сконфуженный чиновник донес Валуеву об аресте колокола. Валуев отличался непомерным самолюбием и послал к коменданту чиновника, который на словах заявил ему, чтобы он немедленно возвратил колокол. Комендант потребовал письменного объяснения. Валуев не замедлил такое послать, и немного резкое.

Комендант нашел тон письма, да и самое требование немного оскорбительным и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующий тоже, вероятно, не совсем довольный тем, что Валуев обратился к коменданту помимо его, в тот же день уведомил Валуева, «что он находит действия коменданта совершенно законными и просит в подобных случаях обращаться к нему, главнокомандующему, и содержать коменданта в том внимании, какого он заслуживает по отличному усердию и исправности, в толиколетнем прохождении важного служения своего оказанными».

Валуеву стало понятно, что сделал ошибку, погорячился, и что главнокомандующий может довести об этом до высочайшего сведения, а главнокомандующий и Валуев, как два медведя в берлоге, жили не в ладу, и Валуев решил искать покровительства в любимце императора, Трощинском, ми-

мо которого в случае жалобы графа Салтыкова дело это не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующий представит о *деле своим манером* на высочайшее усмотрение, доношу вашей высокопревосходительству (писал Валуев к Трощинскому), яко единственному благодетелю, о встретившейся неприятности от коменданта и главнокомандующего, душащими меня непомерно пустыми отношениями.

По понятию моему о пользе казны и славе моих государей, истребил я, без огласки, прошедшим летом два застенка, яко памятники времен жестоких и бесчеловечных, употребляя из оных материалы на исправление древностей, заслуживающих быть сбереженными в позднейшие времена и что этим оправдал я ваше покровительство, снискал всеобщую жителей московских эстиму и заслужил монаршее благоволение. Руководствуясь таковым же подвигом, *спрятан у меня давно язык* известного колокола, служащего возвестителем всех возмущений стрелецких и возмущения во время чумы в царствование Екатерины Премудрой».

После такого напоминания о своих заслугах, оказанных государю и отечеству и московским жителям, Валуев в письме к Трощинскому рассказывает, как комендант арестовал колокол и оставил его под караулом на площади, «где прохожие, может быть, делают о том разные толки и заключения, а главнокомандующий, не осмотрев места и не расспросив о том у меня, пишет ко мне отношение, которое я оставил

без ответа, как для избежания дальнейших историй, так и потому, что ответствуя, обязан бы я был объяснить его сительству, что колокол, им уважаемый, есть памятник зол российских, заслуживающий быть забыт всеми благомыслящими отечества сынами, памятник бесславия покойного отца его, который, будучи главнокомандующим, от чумы и возмущения укрылся в подмосковную, за что и был отставлен, и дана преемнику его инструкция, в которой упомянуто о его побеге».

Изливши свою злость на главнокомандующего и даже на его покойного отца, Валуев принялся за коменданта:

«Комендант говорит, что без начальства колокола отдать не может. Буде колокола принадлежат к военной дисциплине и аккуратности, почему же не воспрепятствовать мне прошедшим летом разбирать колокола на башнях Спасской и Троицкой?»

Обязан я был объяснить ему (главнокомандующему), что в моем чине, служа непорочно 50 лет, разуместь я должен, кому какие давать уважения, не погрешая против коменданта, о котором он сам отзывался, что он пьяница и знает только службу капральскую».

Вступив на дорогу сплетней и злоречия, Валуев не остановился на самых ничтожных мелочных объяснениях Салтыкова и коменданта:

«Злоба коменданта происходит от того, что не удовлетворяются его пустые требования о снабжении его дома неимо-

верным числом дворцовыми мебельями, о набитии льдом его погребов и проч. и проч., понеже дом его не в ведомстве экспедиции; злоба главнокомандующего от неблагорасположенных ко мне окружающих его зятя Уварова и правителя канцелярии Карпова». Как ни старался Валуев в глазах Трошинского, который мог донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующего, не постыдившись даже по случаю колокола вызвать тяжелые воспоминания фамилии графов Салтыковых о поступке одного из них семейства во время чумы в Москве 1771 года, как ни льстил Трошинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но граф Салтыков остался цел и невредим и 28 мая 1803 года сообщил Валуеву, что государь император повелеть высочайше соизволил: «Набатный колокол сохранять навсегда на своем месте (т. е. на той башне, где он висел), в случае же починки башни сохранять колокол в надежном месте до исправления ее, а по исправлении опять вешать на свое место».

Валуеву осталось, впрочем, утешение, что в решении ничего не было упомянуто о спрятанном им языке от колокола.

Кроме *набатных*, были еще колокола *вестовые*, они существовали в старину, в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу. Вечевые колокола у нас были в Новгороде и Пскове, и, как надо полагать, последние не отличались большим весом. Еще в начале XVI столетия во всей Новгородской области не было колокола более 250

пудов весом. Так по крайней мере говорит летописец, упоминая о колоколе «Благовестнике», слитом в 1530 году ко святой Софии повелением архиепископа Макария: «Слить бысть колокол вельми велик, яко такова величеством не бывало в великом Новеграде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи».

Красными колоколами называли такие, которые имели звон красный, т. е. хороший, усладительный, веселый, красные колокола – то же, что красивые, благополучные. В Москве, в Юшковом переулке, существует церковь святителя Николая «У красных колоколов»; этот храм более чем два века славился своим «красным звоном». Есть в Москве еще другой храм, за Неглинною, на Никитской улице, известный под именем «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшие по тону колокола в России – это в Ростовском соборе. Колокольня этого храма замечательна своим устройством и музыкальными звонами колоколов. Звоны там названы по именам учредителей: Ионин, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652-го по 1691 год в течение 39 лет правил митрополиею Ростовскою; особенно хороший, как говорят знатоки, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год, Иоакимовский, по имени архиепископа Иоакима, 1731–1741 годы. Колокола висят в линию и различаются весом: первый в 2000 пудов, второй в 1000, третий в 500 и т. д., до 20 пудов и менее. Всех коло-

колов тринадцать. Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте. Это одно из условий гармонии. Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «Дайте такую же колокольную и такие же колокола». Исторические ростовские колокола: *Сысой, Полиелейный, Лебедь*,⁷ *Голодар*.⁸ *Баран, Красный, Козел и Ясак*.

Пленные колокола имеются на колокольных многих наших церквей; особенно богата ими Петербургская губерния, отчасти Москва и затем Сибирь. Из замечательных шведских старинных колоколов один находится в Петербурге за Невской заставой на Фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов, с латинскою надписью: «SoLi Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686⁹ Holmiae Misael. Bader». По рассказам одних, этот колокол найден был в земле при постройке каменной церкви, на месте которой в старину стояла шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов императором Петром Великим. Между колоколами Москвы пленных имеется тоже несколько. Замечателен там один *полиелей*¹⁰ с буквами Е. Г. и сбивчивою

⁷ По словам отца Израилева, Лебедем этот колокол назван потому, что эта птица при помощи трубчатого устройства дыхательного горла своего производит громкий звук, подавший повод к сказке о Лебединой песне.

⁸ Назван так потому, что в него благовестят в Великий пост.

⁹ Слава единому Богу, Слава Всевышнему, Меня отлил в 1686 году... (лат.)

¹⁰ Колоколом полиелейным называется такой, в который благовестят в большие праздники. Слово «полиелей» греческое и означает «многомилостивое».

надписью: «Espoir en tout... de ce cloche es Chonaem st tas en fraci». Этот древний колокол висит на колокольне церкви св. Николая, в Юшковом переулке.

В Красноярске, на соборной колокольне, имеется один колокол, исписанный какими-то восточными письменами. По преданию, он взят из Буддийского храма, по другим рассказам его нашли лет пятьдесят тому назад при разрытии одного кургана в Минусинском селе.

Во время войны царя Алексея Михайловича с Польшею в Сибирь было послано много пленных поляков и литовцев, а с ними отправлены и колокола. Некоторые из пленных колоколов привезены были даже в Енисейск. Но война с Польшею кончилась, и вследствие Андрусовских договоров, по царскому указу пленники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно в свои прежние места. Впрочем, нет сомнения, что как многие из литовцев и поляков добровольно остались в Сибири и после поступили то в городовые, то в линейные казаки, так и колокола, по крайней мере некоторые, не возвратились на родину.¹¹

Ссылных колоколов, кроме известного Углицкого, что висит в городе Тобольске, существует тоже несколько; по большей части они присланы в отдаленнейшие монастыри благочестивыми, но гневными царями.

Помимо Углицкого колокола, в Сибири известны еще *царские* колокола, жертвованные царственными особами. Так, в

¹¹ См.: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. М. 1838. Кн. 1. С. 198.

Сибирь к разным церквям прислано немало колоколов Борисом Годуновым.¹² Потом жертвовали к сибирским церквям и в монастыри цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и Петр с Иоанном. Из этих колоколов три в 160, в 130 и 40 пудов, литые первый – в 1682 году, а два последние – в 1678 году и присланные в 1680–1684 годах, по сие время в целости существуют в Тобольске, на колокольне Софийского собора. Был на этой колокольне и 4-й царский колокол в 110 пудов, пожертвованный к собору царем Алексеем Михайловичем в 1651 году, но он растопился во время пожара, бывшего в 1688 году.

Кроме того, царских колоколов сохраняется один в Турханском монастыре, в 50 пудов, присланный Алексеем Михайловичем в 1660 году; и затем есть еще четыре колокола в Кондинском монастыре, присланные туда в 1679 году царем Феодором.

Золоченые колокола имеются, кажется, только в городе Таре, в Сибире, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть: все они небольшие от одного до сорока пяти пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можитиновым по следующему случаю. Любимый брат этого мещанина, бью по торговым делам степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник бла-

¹² См.: грамоты, помещенные в Сибирской истории Миллера (Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Пер. с нем.) Кн. 1. СПб., 1750, Гл. 6–8 2-й части печатались под загл. «Сибирской истории» в «Ежемес. соч. и изв. о ученых делах». 1764. Т. 20.

гополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола. Брат вернулся, и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам, колокола вызолотил Можайтинов из любви к церковному благолепию.

Лыковые, как и *корноухие* колокола, тоже принадлежат к опальным и ссыльным. Лыковые колокола, это ранее разбитые и затем связанные лыком. Один из них имеется, как мне передавал С.В. Максимов, в одном из монастырей Костромской или Вятской губерний; он прислан сюда из Москвы царем Иоанном Грозным...

Лучшие колокольные заводы находятся в Москве, но есть также в Костроме, Валдае, Воронеже, Петербурге, на Урале – в Тагиле, и в Сибири – в Енисейске. Московские заводы на Балкане славятся около трех столетий; самые древние из них – Самгина и Богданова; последний замечателен тем, что большая часть больших московских колоколов отлиты на нем. Древний Царь-колокол отлит там же, мастером Маториным, от которого завод перешел к Слизову, от него – к Калинину, а от последнего в 1813 году – к М.Г. Богданову, который отливал и поднимал сам на Ивановскую колокольную нынешний московский большой колокол в четыре тысячи пудов. Московские заводы настолько хорошо делают колокола, что заказы получают из самых отдаленнейших мест Сибири и из-за границы. Медь для колоколов употребляется лучшего качества, иногда старый колокольный лом. Для расплавки 100 пудов меди сжигается до трех сажень дров,

для тысячи пудов – не менее десяти сажений, для 10 000 пудов – до 30 сажений. Когда медь совершенно расплавится, к ней прибавляют минут за пять или за десять до отливки известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтов меди, тщательно размешивая медь. При отливке некоторые из присутствующих, благоговейно крестясь, бросают в растопленную массу серебро, принося этим посильную лепту; другие же полагают, что от этого звон будет чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемониею. Хозяин завода до начала литья приносит в мастерскую икону, зажигает перед нею свечи, и все присутствующие молятся. Хозяин сам читает вслух особую, соответственную случаю молитву, а мастера и рабочие ее повторяют. После этого все двери затворяют, и хозяин дает знак начинать дело. Несколько рабочих проворно и ловко берут наперевес рычаг и, раскачав его, пробивают в плавильной печи отверстие пода, откуда тотчас же огненным ключом вырывается расплавленная медь. В это время нужны все искусство и ловкость рабочих для того, чтобы медь лилась ровно, исподволь, по мере ее вливания в форму, и не переполняла бы желоба; в противном случае она тотчас же выступает из него и половина ее выльется на землю, а если ее не достанет хоть на половину ушей колокола, вся работа пропадает, и колокол надо вновь переливать. При литье колоколов обыкновенно литейщики распускали какой-нибудь самый нелепый слух.

На эти колокольные рассказы, известные под именем «ли-

тье колоколов», не раз полиция обращала внимание и брала с заводчиков подписки и делала им строгие внушения. Но с литьем колокола этот освященный веками обычай снова восставал в самой нелепой форме. Так из таких разблаговещенных рассказов в Москве обратил всеобщее внимание один, о котором упоминает А. П. Милюков в своих воспоминаниях. «Однажды на Покровке венчали свадьбу, и когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с головы, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви и колокольни. Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не было – нежные сердца к этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра и что они этого не знали – и что только чудо не допустило греховного брака».

Другой такой же дикий и нелепый слух, пущенный литейщиками, повествовал следующее. Дело было зимою в трескучие морозы. Рассказывали, что генерал-губернатор накануне большого праздника, кажется, Николина дня, давал бал, на который приглашено было полгорода. Дом горел огнями. Всю ночь продолжались танцы, и вот, во время полного разгара удовольствий, при громе бальной музыки, раздался с Ивановский колокольни первый удар благовеста к заутрене. При этом торжественном звуке люстры и канделябры в губернаторском зале в одну секунду погасли, струны на ин-

струментах лопнули, стекла из двойных рам, звеня, попадали на улицу, и в страшной темноте волны морозного воздуха хлынули на обнаженные шеи и плечи танцующих дам. Раздался крик ужаса. Испуганные гости бросились толпою к дверям, но они с громом захлопнулись и никакие усилия не могли отворить их до тех пор, пока не кончился в Кремле благовест. К этому поэтическому рассказу добавляли, что в большой зале найдено несколько замерзших и задавленных, и в том числе сам хозяин праздника.

По отливке колокол оставляется в земле иногда несколько дней, до тех пор, пока совершенно остынет.

После того, как колокол остынет, его отрывают осторожно, снимают с него, или лучше разбивают, кожух и переносят в точильню. Там его обтачивают точилами – и вся работа колокольно-литейного дела кончена. Когда колокол совсем готов, призывается священник для «чина освящения campana». В молитве, читаемой при освящении колоколов, церковь молит о ниспослании особенной благодати, вливающей в campana силу, «яко услышавше вернии раби глас звука его – в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем дьявольским наветам сопротиво станут... да утолятся же и утишатся и пристанут нападающие бури ветряныя, грады же и вихри и громы страшные и молнии злорастворения и вредные воздуха гласом его» и проч.

Народная мудрость так охарактеризовала колокол в старинной загадке: «Выду я на гой, гой, гой, и ударю я гой, гой!

Разбужу царя в Москве, короля – в Литве, старца – в келье, дитю – в колыбели, попа – в терему».

Главное достоинство колокола состоит в том, чтоб он был звонок и имел густой и сильный гул; последнее зависит от относительной толщины краев и всего тела. Если, например, края слишком тонки, то колокол выйдет звонок, но при лишней тонине звук его будет дробиться, напротив, при лишней толщине звук будет силен, но непродолжителен. В звуке колокола нужно различать три главных отдельных тона: первый звон есть главный, самый слышный тон, происходящий тотчас же после удара; если звон густ, ровен, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колокол отлит превосходно. Такой тон зависит от математически правильной и соразмерной толщины всех частей колокола и происходит от дрожания частиц металла – главнейше, в средней его трети. Второй – гул, который хотя происходит тотчас же за ударом, но явственно слышится спустя несколько времени. Гул распространяется не так далеко как звон, но держится долее его в воздухе, и чем он сильнее, тем колокол считается лучшим; гул происходит от дрожания частиц металла в краях колокола, или, вернее, в нижней его трети; оттого-то чем толще края его, тем гул сильнее, хотя от излишней толщины их он разносится не так далеко. Третий тон есть тот, когда колокол не звонит, не гудит, а звенит. Это звененье происходит от дрожания частиц металла в верхней трети колокола; звук этот довольно неприятен, он тем слышнее,

чем толще дно и верхняя треть колокола и чем массивнее его уши. В небольших колоколах звук сливается с звоном и потому едва слышен, и то вблизи, но в больших он довольно силен и пронзителен; так, например, в московском большом колоколе в тихую погоду он слышен версты за две и не заглушается звоном всех окружающих колоколов. Для устранения или по крайней мере для уменьшения его, верхнюю треть колокола и дно его стараются делать как можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше краев. Если размеры колокола правильны и пропорция меди и олова математически точна, тогда звук колокола, происходящий от сочетания трех главных тонов, достигает необыкновенной чистоты и певучести. Такие колокола весьма редки. Из них по красоте звука известны только два знаменитые колокола, – это воскресный Симоновский в Москве и большой Саввино-Сторожевский в Звенигороде. В Симоновском колоколе 1000 пудов,лил его «мастер Харитонка Иванов, сын Попов, с товарищем Петром Харитоновым, сыном Дурасовым, в лето от создания мира 7186, а от Рождества Бога Слова 1677, месяца сентября 30-го дня при державе благочестивого великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича». «Слияся же сей колокол, – как гласит на нем надпись, – во главу и во славу Бога всемогуща в едином существе в трех лицах суща, и в честь родившия воплощенно слово; сей колокол состроен на Симонов, в обитель Успения Божия Матери, да гласом созывает во храм его верных, хвалу Ему о благах всяческих

даяти, и о нуждах молитвы теплы проливати».

Знаменитый колокол Саввино-Сторожевского монастыря весит 2425 пудов 30 фунтов – отлит мастером Григорьевым в 1667 году, сентября 15-го дня. Кроме превосходного звука, он замечателен и по двум надписям, из которых верхняя состоит из шести строк, окружающих колокол и отлитых старинным русским письмом, ясно сохранившимся и до сих пор. В ней упомянуты все особы царского семейства с полным их титулом и вселенские патриархи: Александрийский, Антиохийский и Московский.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колокол тремя строками, состоит из криптографического или тайного письма, употреблявшегося у нас в XVII столетии иногда в дипломатических переписках, а иногда для записывания более или менее важных предметов, которые хотели скрыть от современников и сохранить для потомства. В письме этом с первого взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тем, каждая из них до того изменена какою-нибудь чертою, точками или другими знаками, что делается совершенно непонятною; в этих чисто русских иероглифах значение имеют особенные титла.

Криптографическая надпись с этого колокола в первый раз была списана историком Миллером и напечатана библиотекарем Академии наук Бакменстером, но оставалась неразобранною до 1822 года. Разобрали надпись археологи Скуридин и А.И. Ермолаев.

Есть предположение, что эту надпись утвердил сам царь; литейщик не посмел бы составить такую надпись из неизвестных знаков, которые тогда могли бы истолковать «за чародейство». Колокол слит на средства самого царя, и государь из набожности не желал, чтобы это было известно современникам при его жизни.

Искусство звонить в колокола зависит от большого навыка; звонят в них на два манера: раскачивают или язык, «ли самый колокол; последний способ употребителен только на Западе, но некогда он существовал и у нас, как существует еще в некоторых польских костелах, например, в Киеве. Звон с раскачиванием самого колокола гораздо гармоничнее и приятнее. От сильного и частого звона звонари нередко глухнут, но, чтобы сберечь слух, многие из них кладут в уши круглые ягоды, например, рябины, калины и клюквы; другие затыкают уши просто ватой. В женских обителях женщины-звонарихи звонят с открытым ртом. Нигде нет такого большого звона, как в России, впрочем, и в Англии известны хорошие звонари. У нас хороший звон зависит от искусного перебора шести, семи, а иногда девяти и даже тринадцати колоколов, с соблюдением довольно ровного такта, зависящего от более или менее частых ударов в большой колокол. В этой колокольной музыке нет ни духовных гимнов, ни молитв; а между прочим, было время, когда у нас в некоторых церквях звонили по нотам, выражая, например, „Господи, помилуй“, „Святый Боже“ и проч.; об этом говорят изуст-

ные предания стариков-старожилов. Отец Аристарх Израилев, протоиерей в Рождественском монастыре в городе Ростове, описал замечательнейшие и оригинальнейшие звоны ростовские, носящие имена *Сысоевского*, *Акимовского*, *Егорьевского* и двух будничных. Он определил их научным образом и положил на ноты. Подобные сведения об акустических работах о. Израилева напечатаны в трудах отделения физических наук Императорского Общества любителей естествознания. Т. I. Отд. 2.

Царь Феодор Алексеевич любил звонить в колокола. Великий Суворов, живя в своей деревне, тоже забирался на колокольню и перезванивал на удивление духовных лиц и прихожан своего села Кончанского. Современная Англия по искусству звонить не имеет соперников во всем свете. Там издавна существуют так называемые общества любителей колоколов; древнейшее и замечательнейшее из этих обществ – Кумберландское в Норвиче, где звонарное искусство доведено до величайшего совершенства. Кроме Норвичского общества, в Англии не менее замечателен клуб звонарей в Лондоне, который также задает задачи колокольной музыки, выдает иногда за них огромные премии. Затем и другие города, как, например, Вестмерланд, Кембридж, Оксфорд, Бирмингем и другие имеют также звонарей-артистов, нередко дающих колокольные концерты, состоящие не в том, чтобы выполнить какую-нибудь ораторию, а просто чтобы прозвонить на пяти, шести или более колоколах всевозможные сочетания.

ния ударов, которые только можно получить при известном числе колоколов. Так, например, в 1796 году члены клуба звонарей в Вестмерланде собрались на колокольную церквы св. Марии, в Кондоле, звонили три часа и двадцать минут и сделали в это время на семи колоколах всевозможные сочетания числа 7, т. е. 5 040 ударов, нисколько притом не отставая от хронометра. В Бирмингаме подобный концерт продолжался восемь часов и 15 минут и в это время сделано было с такою же хронометрическою точностью 14 224 удара.¹³

Колокола на Западе издревле пользовались большим уважением. У католиков существовал даже обряд крещения колоколов, причем были восприемник и восприемница, и колоколу, как новорожденному, давалось имя. Церковные колокола по указу французского короля Генриха IV запрещено было покупать, но дозволялось приобретать их в виде мены. Размер колоколов также подвергался цензуре. Так, например, монастырям строго запрещалось иметь такие колокола, которые бы заглушали приходские. Иностранные колокола часто украшались надписями, в которых по большей части колокол говорит о себе. Слог надписей всегда краток и важен. Так, например, на Шернборнском колоколе в Англии, подаренном городу кардиналом Вольсеем надпись гласит следующее: «Дар Вольсеев Я измеряю время для всех и призываю людей к веселью, печали и в храм». Надпись на Шафгаузенском большом колоколе: «Vivos voco, mortuos plango,

¹³ См.: Московские ведомости. 1850.

fulfura frango», т.е. «живых призываю, об умерших плачу, молнию сокрушаю». Эта надпись так понравилась Шиллеру, что он взял ее в эпиграф своей «Песни о колоколе». На большом Парижском колоколе при церкви Notre-Dame de Paris выбита надпись следующего содержания: «Славлю истинного Бога, сзываю народ, собираю клир церковный, оплакиваю усопших, прогоняю заразу, украшаю празднества», внизу выбита другая: «1683 года Флорентин де Гей... градоначальник Парижский вылил меня». Самым большим колоколом в Западной Европе считается соборный в Руане, весом в 900 пудов. За ним следует венский, в церкви св. Стефана, отлитый в 1711 году императором Иосифом из пушек, взятых у турок в 1683 году при осаде Вены; вес его 885 пудов, в языке 33 пуда, раскачивают его 12 человек. В первый раз он зазвонил в 1712 году, при торжественном въезде императора Карла VI в Вену. После него, берлинский, отлитый в 1497 году, названный при крещении Maria Gloriosa (Славная Мария); вес в нем 690 пудов, на колоколе надпись: «Славною хвалою воспеваю святых и укрощаю молнию и злых демонов, созывая звуком народ во храм для священного песнопения. Герард Иван Компейский отлил меня в лето от воплощения Господня в 1497 году». Но замечательный из всех по звуку – это эрфуртский. Затем идут колокола страсбургский и бреславский; в первом весу 20 400 фунтов, во втором – 500 пудов. По величине славятся колокола китайские и японские, весьма древние. В Миако, возле главного храма Будды, висит

огромный медный колокол, который весит 5000 пудов, в Пекине колокола в три и четыре тысячи пудов – не редкость. Но самый большой колокол в свете это наш московский Царь-колокол.

В половине XVI века, на месте колокольни Ивана Великого стояла церковь Иоанна Листвичника и при ней висел небольшой Царь-колокол,¹⁴ весом в тысячу пудов, отлитый во времена опричнины Иоанном Грозным. При царе Алексее Михайловиче, в 1654 году, на место его был слит другой, уже гораздо больший колокол, весом в 8000 пудов. Предание говорит, что т. к. никто не брался поднять его, то он остался без употребления до 1688 года, когда уже решился поднять его механик-самоучка – царский привратник. Колокол этот висел подле Ивановской колокольни, но в пожар 1704 года, июня 19-го, от жару или пролившейся на него воды он треснул. В 1731 году его сняли, а в 1734 году, по повелению Анны Иоанновны, приказано было к нему прибавить еще тысячу пудов весу, причем предполагали приделать к Ивану Великому особую небольшую колокольню для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила снести с славным тогда золотых дел мастером и членом Парижской Академии наук Жермешо. Миних пишет в своих записках: «Сей художник удивился, когда я объявил ему

¹⁴ Впоследствии этот колокол был перелит с добавлением еще меди и повешен на пристройке к Ивану Великому, назван он был «праздничным»; в него ударяли три раза с большою расстановкою по смерти царя или кого-нибудь из его семьи, а также по смерти патриарха.

о весе колокола, и сначала думал, что я шутил, но, уверившись в истине предложения, составил план, где до того увеличил трудность работ и стоимость их, что императрица отказалась от их планов». Артиллерии колокольных дел мастер Иван Федоров Маторин взялся за работу и не подумал испугаться, когда колокол определено было вылить в 12 000 пудов. Устроили в Кремле литейную яму, между Чудовым монастырем и Иваном Великим, и Маторин принялся за дело. Ему отпустили 14 124 пуда и 29 фунтов меди, считая с старым колоколом, и тысячу пудов олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевесу после того, металла принято 14 814 пудов 21 фунт, олова отпустили еще 498 пудов 6 фунтов, что все вместе составило 15 312 пудов 24 фунта. Медь, прибавленная к старому колоколу, привезена из сибирских заводов; в ней оказалось серебро и золото, оттого колокол и отличается беловатым цветом; по испытаниям, сделанным в 1832 году, в нем нашли: на один пуд меди $1 \frac{35}{96}$ золотника золота и $31 \frac{3}{96}$ золотника серебра. По другим исследованиям, содержание золота и серебра в колоколе втрое против показанного количества.

В остатке после вторичной, уже счастливой отливки, оказалось металла 2985 пудов 8 фунтов, следовательно, вылитый колокол весил 12 327 пудов 19 фунтов.¹⁵

¹⁵ Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1 214 000! Из этого числа на одну печь пошло 330 000, на основание и под лицо 300 000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожуха 250 000!..

Его подняли над ямою и повесили на особых подмышках. Страшный пожар в 1737 году, в Троицын день, начавшийся от забытой копеечной свечки, зажженной пред образом женкою Марьею Михайловою, в доме отставного прапорщика Александра Милославского, опустошил Москву и Кремль. Колокол упал с обгоревших брусьев в ту яму, где лили его, и при падении ли вышиблен был из него край от удара, или от того, что, желая потушить огонь в яме, лили в нее воду, он треснул и из него вывалился большой кусок, таким образом к употреблению он уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотела опять перелить его. Смета, ей представленная, в 107 492 руб. 47 ³/₄ коп. (прежнее отлитие, кроме металла, стало 62 008 руб. 9 коп.) показалась ей слишком большою, и исполин остался в своей яме. Много было потом относительно его проектов: в 1770 году архитектор Форстенберг брался припаять к нему отшибленный край, в 1797 году поручили механику Гирту составить план вынудия колокола из ямы; в 1819 году генерал Бетанкур поручал архитектору Монферрану осмотреть и описать его; потом велено было осмотреть его инженерному генералу Фабру. Император Николай I, узнав о новоизобретенном способе починки колоколов, предполагал вынуть колокол, починить его, построить для него особую колокольню и повесить его на ней. Но громадные размеры колокола заставили отложить такое намерение. Между тем он безобразил Кремлевскую площадь своею обширною ямою. Царь-

колокол лежал в глубокой яме напротив Чудова монастыря, над ямою был настлан деревянный помост с подъемной дверью, от которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытные спускались смотреть колокол в подземелье по крутой деревянной лестнице, вслед за проводником, который шел вперед с зажженным фонарем. В 1836 году велено было вынуть колокол и поставить на гранитном пьедестале подле колокольни Ивана Великого. Монферран приступил к этой работе и после одного неудачного опыта 23 июля, в 43 минуты, двадцатью воротами, колокол был поднят из ямы, а 26-го поднят на пьедестал, где он и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное яблоко с крестом, а внизу, на мраморной доске, надпись золотом: «Колокол сей вылит в 1733 году, повелением государыни императрицы Анны Иоанновны, пребывавал в земле сто и три года и волею благочестивейшаго государя императора Николая I поставлен лета 1836, августа в 4-й день».

Надпись на пьедестале сочинена архитектором Монферраном, и в ней сделаны две существенные ошибки. Первое: колокол вылит не в 1733 году – указ сенату о литье его последовал 26 июля 1730 года. В январе 1734 года, сенатская контора доносила, что болван и кожух колокола окончены и испрашивали позволения обжигать и приступать к литью, следовательно, он вылит, в 1734 году, но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже в 1735 году. Затем: колокол пробыл в земле не 103 года. Пожар московский

происходил в 1737 году, когда Царь-колокол упал, а вынули его в 1836 году, – следовательно, он пробыл в земле 99 лет.

На Царь-колоколе находятся две надписи: до настоящего времени впервой из них явственно сохранилось только несколько слов, а в другой – ни одного; верный печатный список с этих надписей помещен в «Горном журнале», 1833 года, т. I. Вот эти надписи; первая: «Блаженные и вечнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России. Самодержца повелением, в первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения, слит был великий колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, с Рождества же по плоти Бога Слова 1654; из меди сего благовестить начали в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208, Рождества же Господня 1704 года, в которое месяца июня 19-го дня, от великаго, в Кремле бывшаго пожара, поврежден; до 7239 года от начала мира и Христа, в мир Рождества, прибыв безгласен». Вторая надпись: Благодетивейшия и Самодержавнейшия Великия Государыни Императрицы Анны Иоанновны, Самодержицы всея России повелением во славу Бога в Троице славимаго в честь Пресвятыя Богоматери, в первособорной церкви славнаго Ея Успения, отлит колокол из меди прежняго осмь тысяч колокола пожаром поврежденнаго с прибавлением материи двух тысяч пуд, от создания мира в 7242, от Рождества

же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствование в четвертое лето».

Колокол украшен наверху изображениями московских чудотворцев, а посередине – особ императорской фамилии; из них императрица Анна Иоанновна изображена во весь рост; но ясно вышли только голова и корона. Вышина колокола с пьедесталом 34 фута, вышина самого колокола 20 фунтов 7 дюймов, ширина в отверстии 22 фунта 8 дюймов. Форма колокола очень красивая, отшибленный край лежит подле пьедестала.¹⁶

Самый большой колокол в Москве на колокольне Ивана Великого, называемый *Успенский* или *праздничный*, ударом в который дается начало торжественному звону всех московских церквей в великую ночь перед Пасхой. Весом колокол четыре тысячи пудов – он перелит в 1819 году из старого, упавшего в 1812 году, при взрыве Кремля французами. До переливки он весил 3355 пуд 4 фунта. Старый был отлит в 1760 году мастером Слизовым по приказу императрицы и, как говорит предание, был много лучше нового. На колоколе изображены Спаситель, Богородица, Иоанн Предтеча, Успение Богоматери и Петр и Алексей, митрополиты Московские, а под святыми – изображение императора Александра I

¹⁶ Известный знаток колоколов, протоиерей Израилев, как мы слышали, считает возможным перелить Царь колокол, дать ему гармонический тон и поднять на колокольню. На это, как он предполагает, надо будет затратить не менее 50 000 рублей. За последнее время было в газетах напечатано несколько проектов починки Царя-колокола.

и всей августейшей фамилии. На старом же колоколе были изображены те же святые с портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъеме этого колокола случилась следующая история, наделавшая в то время много шума в Москве. Еще до подъема митрополиту Серафиму донесли, что построенная мастером Богдановым каланча для подъема на колокольню Ивана Великого большого отлитого им колокола крайне непрочна, да и брусья на колокольне ненадежны. Слухи эти были настолько распространены в народе, что митрополит просил военного генерал-губернатора назначить архитектора для освидетельствования каланчи и колокольни. Назначенные губернатором графом А.П. Тормасовым чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусьев ненадежною. Но Богданов стоял на своем и ручался за прочность. Такая уверенность Богданова расположила митрополита в его пользу, и преосвященный дал ему позволение поднять колокол. В назначенный для подъема день митрополит Серафим приехал в Успенский собор. Площадь была покрыта несметным количеством зрителей. Вдруг митрополиту докладывают, что Богданов сидит на крыльце и горько плачет. Весть эта Серафима крайне встревожила: ему показалось, что Богданов отчаивается в успехе, он приказывает позвать подрядчика и узнает от него, что тот плакал потому, что ему мешают. Преосвященный, успокоив Богданова, идет и освящает колокол по церковному чиноположению и затем благо-

словляет поднимать его, колокол пошел очень ходко и ровно вверх и уже был на половине высоты, как вдруг раздаются со всех концов крики: «Иван Великий шатается, каланча падает!» К этим крикам присоединяются еще крики женщин и детей, кинувшихся бежать, – паника и теснота сделались ужасные! Обер-полицмейстер А.С. Шульгин не потерял присутствия духа и бросился в толпу, уверяя, что это выдумки мошенников. Народ, видя, что каланча не упала и Иван Великий стоит, понемногу пришел в порядок. Богданов во время этой суматохи не растерялся и, как и прежде, стойко управлял действиями многих воротов, посредством колокольчика и палочки с навязанным на ней платком и все время умел держать работников на своих местах и своею расторопностью отвратил большую беду. Но так как полиции на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели беспорядка, то преосвященный и распорядился приостановить поднятие колокола и объявить народу, что он будет поднят завтра. После этого толпы народа стали расходиться, и когда народу на площади осталось немного, то Богданов скомандовал рабочим продолжать поднятие, и через несколько минут колокол был поднят на колокольню благополучно. В день поднятия колокола Михаил Гаврилович Богданов был приглашен к столу митрополита. За обедом Серафим спросил Богданова:

– Ну! если б я не согласился позволить тебе поднять колокол и послал бы бумагу спросить об этом в Петербург, что

бы ты сделал?

– Я уже решился, – отвечал Богданов. – Я бы ночью привез колокол и поднял его потихоньку своими работниками.

Рассказывают, что несколько минут до поднятия колокола известный тогда иностранец-архитектор из сожаления к Богданову упрасивал его бросить это дело, доказывая ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богданов ему отвечал: «Приходи завтра звонить в колокол».

В так называемой Филаретовой пристройке находятся еще три замечательных исторических колокола, всех же колоколов на этой колокольне – двадцать девять. Самый большой из колоколов это *Рвут* или *полиелейный*, как он назван по указу 1689 года патриарха Иоакима. На нем следующая надпись: «Божиею милостию повелением великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России Самодержца, и по благословению по плотскому рождению отца его государева, а по духовному чину отца и богомольца, великаго господина и святейшаго патриарха Филарета Никитича, московскаго и всея России, слит сей колокол в соборной церкви Успения Пречистыя Богородицы и великих чудотворцев Петра, Ионы, лета 7130(1622), делал колокол пущечный мастер Андрей Чехов».

В этом колоколе, как полагают, до 2000 пудов *Рвут* замечателен тем, что при взрыве Кремля в 1812 году у него только отбило уши, которые впоследствии очень искусно вделали, колокол от этого не изменился в тоне. Этот колокол за-

мечателен еще тем, что во время звона в него к присяге императора Александра II он упал в самый низ, причем пробил три каменных свода, два деревянных пола и чугунную лестницу. Колокол не повредился – только пострадали уши. Теперь в него не звонят, боятся за вделанные дважды уши.

Вседневный назван так тем же патриархом Иоакимом в 1689 году, слит он первоначально в 1652 году мастером Емельяном Даниловым и имел весу 998 пудов 30 фунтов; но так как он оказался впоследствии треснувшим, то императрица Екатерина II приказала в 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову. Теперь он, как свидетельствует на нем надпись, весит 1017 пудов 14 фунтов.

Воскресный или *семисотенный* отлит в 1704 году Иваном Материным, вес его 798 пудов.

Из замечательных других колоколов в нижнем ярусе висят; перелитый в 1775 году из древнего новгородского (1501 год) *Медведь*; вес его 450 пудов. Другой колокол носит название *Лебедь*, весом 475 пудов, отлит в Москве в 1532 году; он перелит в 1775 году с сохранением прежнего веса и формы. Кроме надписи, на нем видны иностранные слова «Nikiwas obracer, 537 год».

Затем из исторических колоколов есть еще один, под названием *Новгородский*. Надпись на нем следующая: «Лета 7064 (1556) месяца сентембрия 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, в царство Ивана Васильевича, при пастве митрополита Макария всея России, повелением

преосвященнаго Пимена архиепископа Новгорода и Пскова, а мастера Михайлова слит бысть сей колокол в богоспасаемый великий Новгород ко святой соборной церкви Софии Премудрости Божия». На этом колоколе наверху находится и другая надпись, из которой видно, что он перелит в 1730 году и весу в нем 420 пудов.

Полагали одно время, что этот колокол и есть знаменитый *Вечевой* новгородский, но это неверно, последний, как мы выше уже говорили, поступил на переливку для «набатного» московского колокола.

Широкий слит в 1679 году, весу в нем 300 пудов. Затем в этом же ярусе помещаются колокола: *Слободский* в 309 пудов, перелитый в 1614 году из старого *Слободского*; далее *Ростовский*; из надписи на нем видно, что он лит в 1687 году в Белогостинный монастырь находившимся в ростовской епархии мастером Филиппом Андреевым.

В среднем ярусе из старинных колоколов висит *Новый* или *Успенский*, вылитый в 1651 году, после него *Безыменный* с иностранною надписью. Затем идут *Даниловский* 1678 года, по преданию вылитый в городе Переяславле-Залесском, «Глухой» 1621 года; потом «Корсунский», называется этим именем потому, что перелит из старого корсунского, по повелению Иоанна Грозного, в 1559 году, мастером Нестором Ивановым Псковитиновым. Есть еще колокол, называемый *Безымянным* и *Марьинский* со следующей надписью: «Лета 7176 (1663 год) марта в 23-й день вылит сей колокол в церк-

ви Преподобной Марии Египетской по душах блаженные памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по жене его боярыне». Там же висят еще пять других колоколов «переборные»; на одном из них надпись, свидетельствующая, что колокол приложен 1697 года стольником Ляпуновым в Коломенскую его отчину село Троицкое.

В верхнем ярусе находится еще десять колоколов. Из них историческое значение имеют только четыре, два так называемых *Корсунских зазвонных*; цвет они имеют беловатый и звук самый резкий, полагают, что в них много серебра. Колокола эти вывезены в Москву, как думают, одним из митрополитов греческих в то время, когда Москва заступила место Киева и была убежищем гонимых турками греков. В 1775 году колокола эти перелиты вновь. Третий колокол «Арсенева» с следующей надписью: «Лета 7193 (1685) марта в 13-й день сей колокол по стольнике Федоске Осиповиче Арсеневе в Соловский уезд, в Новгородской стан, в вотчину стольника Дмитрия Федосеевича Арсеньева, село Покровское к церкви Покрова Богородицы с прочими угодниками, при священнике Киприане Кириллове сыне, дал сей колокол стольник Дмитрий Федосеевич Арсенев». Четвертый колокол боярина Феодора Ивановича Шереметева, отлитый в 1620 году.

Нелишним считаем прибавить, что на колокольне Ивана Великого всех ступеней считается 409, и в старину у колокольни читали царские указы громогласно, «во всю Ивановскую», как тогда говорили.

II

Колокола Троице-Сергиевой лавры: Большой, Годунов, Карноухий, Лебедь и Переспор. – Колокола Киевской лавры: Успенский и Балык. – Исторические колокола Новодевичьего монастыря. – Переливка колоколов на пушки. – Тобольский большой колокол Демидова. – Колокол амстердамского литья. – Углицкий ссыльный колокол и его история. – Замечательные колокола Софийского собора. – Старые новгородские колокола и Осадный вечевой колокол города Пскова. – Муромский колокол князя Воротынского. – Кази-Керменский колокол в городе Полтаве. – Шведские колокола в Финляндии. – Замечательные колокола в Петербурге

Одной из первых по колоссальности колоколов считается колокольная Свято-Троицкой Сергеевой лавры под Москвой. На этой колокольной всех колоколов с часовыми 34. Главный из них весом в 4000 пудов, он перелит был в 1746 году по

именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря из старого разбитого лаврского колокола весом в 3319 пудов. Второй колокол, «*Годунов*» сделанный вкладом бывшего царя Бориса Феодоровича Годунова, весом в 1850 пудов. Третий, *Корноухий* весом в 1275 пудов, литый 1684 году монастырскою казною. Четвертый, *Лебедь* весом в 625 пудов, вкладом конюшего боярина Бориса Феодоровича Годунова. Пятый, Переспор весом в 315 пудов 28 фунтов, лит в 1780 году.

В Киевской лавре нет ни очень больших, ни очень старых колоколов. Самый большой колокол здесь *Успенский* весом 1000 пудов, а самый старый Балык вылитый в 1719 году, всех же колоколов – десять.

По величине замечательны колокола также на колокольне храма Спасителя в Москве; всех их с небольшими четырнадцать штук; отлиты они на заводе московского купца Н.Д. Финляндского; вес в них 4008 пудов 39 фунтов, стоимость 88 184 руб. Из них самый большой колокол *Торжественный* весом 1654 пуда 24 фунта.

В Москве, в Новодевичьем монастыре, есть несколько колоколов, имеющих историческое значение. Старейший из них колокол «малый зазвонный», отлитый в 1551 году при царе Иване Васильевиче и архиепископе Макарии. На втором, отлитом в 1628 году, мая 3-го, находится следующая надпись: «Дал сии колокол в дом Пречистой Богородицы Смоленской в Новодевич монастырь князь Алексей Ивано-

вич Воротынской по кнегине Марие князя Ивана Михайловича Воротынского, по кнегине Марие Петровне, по своей матери и по своих родителях». Третий отлит, как гласит надпись «Лета 7138 (1630), апреля в 13-й день при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси самодержце в его государские державы в 17 лето и при благоверном царевиче и великом князе Алексее Михайловиче всея Руси и при великом господине святейшем патриархе Филарете Никитиче московском и всея Руси, поставила сей колокол мати государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси инока великая государыня старица Марфа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевич монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые в том монастыре будут за тот наш вклад душу мою в синадики написати, по вся дни поминати».

Четвертый, иностранного дела, с надписью: «*Me fecit Daventris a 1673 Henryck. Thor. Horst Amor vincit omnia*», т. е. «меня сделал в Девентере 1673 года Генрих Тор Горст. Любовь все побеждает». На наружной стороне этого колокола двуглавый орел, на груди которого изображен в клейме конь без всадника, похожий на единорога.

На пятом – следующая надпись: «Божиим изволением сии колокол поставили стрельцы Темирева приказу Засецкаго 500 человек великому чудотворцу Николе, что на горках за Москвою рекою».

На шестом колоколе надпись: «Слит сей колокол на

Москве в дом Пречистые Богородице Одигитрие, чудотворные иконы Смоленския, Божию милостию повелением благовернаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича в Новодевич монастырь что за посадом, лета 7159 (1651) году сентября в 1 день, а деньги здавали вкладчики по обещанию. Мастер Микифор Баранов. Весу в сем колоколе 200 пудов».

Интересен седьмой колокол: «Лета 7192 (1684) месяца августа 3 дня сей колокол вылит в похвалу и славу и честь Богу в Троице славимому и Пресвятей Богородицы и всем святым в дом ея Пресвятыя Богородицы явления иконы Смоленския Одигитрия, нарицаемый Новодевичей монастырь, повелением благочестивейших, великих государей наших царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей всея великия и малыя и белыя России самодержцев общими же с ними великими государями изволением и согласиём сестры их государския великия государыни, благоверныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, понеже она, государыня, того святого дома на давных лет строительница, а ныне наипаче имеет прилежное попечение к устройению, как от всех видимо. Весу в нем 540 пудов. Лил сей колокол мастер Феодор Маторин».

Восьмой колокол с точно таким же титулом и надписью, почти слово в слово, только лил последний колокол мастер Михаил Лодыгин и вылит он был 1 декабря 1688 года.

Судьба многих исторических колоколов в Москве реши-

лась во время войн Петра Великого с шведами. До этого государя в древней столице считалось сорок сороков церквей, а другие насчитывали их более двух тысяч, из которых по крайней мере половина была приходских, и при каждой были колокола. В 1700 году после неудачи русских под Нарвою Петру Великому кто-то из приближенных к нему иностранцев, указал на непомерное множество колоколов как в Москве, так и в других городах. Петр приказал лить разные крепостные и полевые орудия из тех колоколов, которые признаны будут лишними. И в тот же год зимою из них было отлито сто больших пушек, 143 полевые пушки, 42 мортиры и 13 гаубиц. Распоряжение царя вызвало почти общее неудовольствие. Вот что по этому поводу рассказывает С. Григоров¹⁷ о так называемых в народе *Непокорных колоколах*, которые сопротивлялись указу царя. Русские люди, видевшие в колоколах украшение своих церквей, дорожили ими, и поэтому изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своих колоколов на литье пушек, при этом, конечно, дело не обошлось и без чудес. Приводим здесь рассказ Гаврилы Тверитинина об одном из таких чудес, списанный С. Григоровым с рукописи под № 432, находящейся в библиотеке Петербургской Духовной академии.

«Я и сестра моя Ирина, – пишет Гаврила Тверитинин, – в 1701 году были у Троицы-Сергиева монастыря, тогда от великого государя царя Петра Алексеевича был указ везде в

¹⁷ См. Исторический вестник. 1880. № 8. С. 796.

городских монастырях и в Москве и у всех приходских церквей брать колокола и от всего звону четвертую долю меди веса на пушечный двор на литье пушек, и в том Сергиевом монастыре также, а в монастыре колоколов 26 было. Архимандрит и братия его великого государя указу противиться не смели и колокола с колокольной сымать повелели. Вечером некоторые указали снять один старинный колокол, весу в нем того не знали, а гласом был глух и не ярок, но за поздностью оного не сняли. Монастырь ночью кругом запирался и всегда, также и тою ночью, был заперт, наутро же архимандриту звонарь донес, что того колокола на колокольной нет, и братия не ведала, как и где он делся. Архимандрит же, услышав об этом, повелел везде искать по кельям у братии и в погребах, и когда нигде не могли обрести (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандрит Ларион повелел другой снять, также весу в нем не ведая и тот снять повелел и разбить и медь свезти в Москву. Когда колокол сняли, человек, чтоб разбить оный, ударил по колоколу молотом, но колокол от того удара не расшибся, но начал глас от него трои сутки день и ночь непрестанно». Вследствие этого «архимандрит и того колокола не велел везти к Москве, а повелел сымать два другие колокола нынешнего мастерства, но сих колоколов не могли снять никоими делами». В то время, когда «архимандрит и братия, боясь указа государева, с ужасом смотрели на сии колокола, колокола же сии два братьеника вдруг сами собой с колокольной со-

скочили, пали и стены обломили». Безвестный колокол в это время также отыскался за монастырем в пруде: «Во время тое на монастырь в погреб лед возили и уши оттого колокола видели, а потом его от воды того пруда взяли». Обо всем этом донесли Петру, который, по уверению Гаврилы Тверитинина, хотя «в монастырь приходил, плакал и прощения просил у чудотворца Сергия о своем соизволении, однако колокола два братьеника повелел везти в Москву, где оне в литье пушечного дела не пошли и не испорчены, потому что медь была жестка, в дело негожа, и доньне те колокола стоят на пушечном дворе целы, как и были».

Число колоколов в Москве в настоящее время далеко превышает количество трех тысяч, а сколько их всех в России – трудно исчислить. Даже отдаленная Сибирь может похвастаться изрядным количеством их. Самый большой колокол там в Тобольском соборе, весит он 1011 пудов и 22 фунта и лит, как значится по надписи на нем, в 1738 году на Тагильском заводе тщанием митрополита тобольского Антония и иждивением дворянина Акинфа Никитича Демидова; звук его прекрасный и вид красивый. Кроме Тагила, в Сибири лили колокола еще в Тюмени и Енисейске, но большей частью грубой отделки, небольшие и не особенно благозвучные. Сибирские колокола – преимущественно привозные и некоторые из них привезены из-за границы. Так, в Тобольске, в Богородицкой церкви, имеется один выписной из Голландии, надпись на нем гласит «te fecit Jan Albert de Grave

Amstelodamu Anno Domini 1719» (лит я в Амстердаме Иваном де Граве в лето от Рождества Христова 1719-е).

Из привезенных в Сибирь колоколов в историческом отношении замечателен *Углицкий корноухий*, в который били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димитрия. Борис Годунов сослал изобличителей одушевленных в Пелым, а неодушевленного с отсечением уха в Тобольск в 1595 году. Этот неумирающий ссыльный висел сперва на Спасской колокольне, потом перемещен был на соборную и наконец в 1837 году, по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома при крестовой церкви под небольшим деревянным навесом. Целью последнего перемещения было то, чтоб показать, если потребуется, эту историческую достопримечательность посетившему в 1837 году Тобольск наследнику престола. В настоящее время углицкий колокол сзывает к богослужению; но до этого времени, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Вес в нем 19 пудов 20 фунтов, он корноухий, т. е. с отсеченным ухом; это сделано было, как выше нами сказано, по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий; надпись на нем по краям вырезана, а не вылита, она гласит: «Сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия, в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилостивого Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской коло-

колье был часобитный». Как склад надписи, так и форма букв новейшего времени.

В «Ярославских губернских ведомостях», в сороковых годах, было напечатано, что существует слух, будто этот колокол не настоящий углицкий, что углицкий по какому-то случаю разбился и его перелили, но ухо отсекли у вновь отлитого потому, что так было у его первообраза. Но из этого слуха никакого точного вывода нельзя сделать. В бытность мою в 1882 году в городе Тобольске мне привелось лично видеть этот колокол; поверхность его, очевидно, очень старая, и от древности самая медь серого цвета, надпись же, несомненно, новейшая. При самом тщательном осмотре не найдется ни малейшего даже намека на то, что этот колокол не настоящий углицкий, а только перелитый из него, да и многовековая уверенность жителей не допускает ни малейшего сомнения в его подлинности. Притом и летописи, и предания тобольские говорят, что это действительно тот самый колокол, которым в 1591 году в роковой день 15 мая, в час послеобеденного сна, соборный сторож Максим Кузнецов и вдовый священник Федот, прозванием Огурец, встревожили мирный Углич, и что передаваемый «Ярославскими ведомостями» слух о разбитии и переливке его не заслуживает никакого вероятия и не может нисколько поколебать подлинности этого колокола.

В декабре 1849 года в Угличе возникла мысль о возвращении сюда ссыльного колокола, местные жители в числе со-

рока человек обратились к министру внутренних дел графу Перовскому с просьбою об исходатайствовании им высочайшего разрешения для возвращения из Тобольска на их счет колокола. По докладу министром означенной просьбы императору, поведено: «Удостоверясь предварительно в справедливости существования колокола в городе Тобольске и по отношении с обер-прокурором просьбу сию удовлетворить». Министр вошел в сношение с обер-прокурором, и по предложению последнего Синод обратился с вопросом о колоколе к тобольскому архиепископу Георгию. Из ответного на этот вопрос сношения преосвященного Георгия оказалось, что в Тобольске при крестовой Святодуховской церкви тамошнего архиерейского дома действительно находится корноухий колокол, слывший ссыльным, и что в сочиненной в Тобольске книге, под названием «Краткое показание о сибирских воеводах», есть известие о присылке, в 1593 году, в Тобольск в ссылку корноухого колокола, в который били в Угличе в набат при убиении благоверного Димитрия-царевича. Затем Синод сделал предписание Ярославской духовной консистории «собрать самовернейшие сведения – не известно ли епархиальному начальству, или же духовенству города Углича, чего-либо положительного о том колоколе, о возвращении которого из Тобольска просят углицкие граждане». Вследствие этого и консистория, с утверждения тогдашнего архиепископа Ярославского и Ростовского Евгения, указом от 25 июля 1850 года, сделала сообразное тому предписание

углицкому духовному правлению. В этом предписании велено было обратить внимание и на архив правления; но так как хранящиеся в нем бумаги восходят не далее 1740 года, то, разумеется, он и не мог послужить никаким документом по вопросу о колоколе. Не оказалось также и по разысканию углицкого духовенства ничего относящегося к этому вопросу и при тамошних церквях. Но за всем тем некоторые лица из означенного духовенства выставили на вид местное предание, свидетельствующее о ссылке углицкого набатного колокола в Тобольск, и известия об этом же обстоятельстве, находящиеся в «Древней российской вифлиофике» Новикова, в «Истории государства Российского» Карамзина и в «Памятниках московской древности» Снегирева. Преосвященный Евгений, донося об этом Синоду, прибавил, что епархиальному начальству «ничего положительного об означенном колоколе неизвестно».

Синод, рассмотрев приведенные углицким духовенством сведения о колоколе, нашел их точно так же, как и сообщенные архиереем Георгием, неудовлетворительными, и в определении своем, подписанном 11 мая 1851 года, объявил, «что сими сведениями не подтверждается мысль, что сей колокол есть тот самый, которым возвещено было в Угличе убиение царевича Димитрия, и что, вероятно, мысль сия уже поколеблена в понятиях самих углицких жителей известием, напечатанном в „Ярославских губернских ведомостях“ 1850 года, № 5». Этим и окончилось дело о возвращении колоко-

ла. В 1888 году в Угличе опять возникло в среде граждан дело о колоколе, и в Петербург приезжал выборный от Городской думы господин Соловьев хлопотать о возврате его из города Тобольска, и, как слышно, в 1892 году колокол будет уже в Угличе.

В Новгороде, на колокольне Софийского собора, имеется несколько исторических больших колоколов. Самый большой из них вылит в 1660 году, в царствование Алексея Михайловича. Лил его софийский домовый мастер Ермолай Васильев.

Вседневный лит тоже в Новгороде, на деньги новгородского архиерейского дома, в царствование Феодора Алексеевича, в 1677 году, весом 300 пудов; лили мастера Василий и Яков Леонтьевы дети.

Интересны там еще два небольшие колокола, отлитые в 1566 году при царе и великом князе Иоанне Васильевиче, при церкви Вознесения Христова (которая уже не существует), находившейся в Прусской улице, усердием прихожан. Там находится еще небольшой колокол, литый в Тихвинский Введенский девичий монастырь, в 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Ксениею Феодоровою для поминовения сына ее, Григория, и родителей.

В Новгороде древних колоколов немало с надписями, как русскими, так и иностранными. Так, в Клопском монастыре есть два колокола XVI века один в 15, другой в 9 пудов; оба с одинаковою надписью: «Лето 7039 лит колокол сей обители

Живоначальные Троицы и чудотворца Николы и к Покрову Святыя Богородицы и святителю Михаилу, при благоверном и великом князе Василии Ивановиче всея Руси при архиепископе Великаго Новаграда и Пскова владыке Макарье и при игумене Иеве».

В Хутынском монастыре *вседневный* колокол с надписью сверху и внизу: «Божиею милостию царя и государя вся Руси Владимирскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иных, при державе царства благоверных и христолюбивых и великих князей Василия Ивановича» и проч. При некоторой сбивчивости, с какою читается надпись на колоколе, видно, впрочем, что он устроен в последний год княжения Василия III.

В Знаменском соборе колокол с надписью, из которой видно, что он слит в Новгороде к этому храму в 1554 году повелением и по завету преосвященного Пимена и всех православных христиан Великаго Новагорода, «чтобы избавил нас Боги Пречистая Богородица православных крестьян (sic!) от смертоносныя язвы и от напрасной смерти»; лил мастер Иван.

В Успенской церкви упраздненного Колмова монастыря есть два колокола, литые при Иоанне IV.

В Духове женском монастыре три колокола XVI века. Из них интересна надпись на одном, «который поставил в 1589 году в Новегороде, в монастыре Сшествие Святого Духа и

Живоначальные Святыя Троицы, конюшей боярин Борис Федорович Годунов».

По надписям заслуживают внимания в Хутынском монастыре три колокола конца XVII века.

В Спасо-Нередицкой церкви есть колокол с надписью, что он отлит при царе Феодоре в монастырь к Спасу Нередицы – «да в тот колокол Феодосей приказал по себе и по своих родителей. Лил мастер Тимофей новгородец».

К описанным колоколам XVI века можно отнести небольшую металлическую кандию, находящуюся в ризнице Софийского собора. Она вроде небольшой чаши, вокруг поддона ее надпись: «Лета 779 (1541 год) поставил сию кандию в дом святому Николы на Боровно старец Андрей». При кандии небольшой железный язычок для удара, которое совершалось в старину, например, во время чтения Евангелия в первый день Пасхи. В письменном уставе XVII века Софийского собора¹⁸ на св. Пасху сказано: «И на всяком возгласе протодиаконове Евангелия ударяют в кугейнике по единоща в кандею и в вестовой колоколец». В «Древностях российского государства» (отд. I. № 76), кандия отнесена к числу трапезных чаш, в которую ударяли настоятели за братскую трапезою при перемене кушанья. В городе Ростове Ярославской губернии имеется одна такая кандия,

¹⁸ См.: Макарий (Миролюбов Н.К.). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях//Соч. архим. Макария. М., 1860. Ч. 1–2.

носящая имя Ясак.

Почти во всех новгородских церквях имеются колокола XVII века с древними русскими, но есть колокола с польскими, латинскими и немецкими надписями. Так, в Борисоглебской церкви хранится колокол, на котором надпись: «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». В Воскресенской церкви на Мячине два колокола с одинаковою вылитой надписью на латинском языке по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая одинаковая русская надпись на них вырезана внизу кругом: «Лета 7155 (1647) года; марта 1 дня при благоверном г. ц. и в. князе Алек. Мих. в. в и ли Р. самод. дали сии три колокола Великаго Новагорода церкви Всемилоствиаго Спаса Нерукотворенному образу у Новинских ворот... Бога молить, а по смерти за их души их поминать доколе сей св. церкви Бог благоволит по вере христиан стояти, а прием подписан в 177 (1669) году мая 1 дня».

В Клопском монастыре колокол в 50 пудов немецкого литья. На нем вверху кругом вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubeck hat mie gegosen, aus dem feur ain ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейман из Любека лил меня; из огня разом я вылился 1647 года». Другая надпись вырезана пониже первой и после ее спустя семь лет: «Лета 7162 (1653) года ноября 29 день при царе государе и в. князе Алек. Мих. дал сей колокол весом в 50 пудов в Клопский монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянин Иван Лукин Лонежской». В новгородской Георгиевской

церкви небольшой колокол с надписью: «Soli Deo, Assihus Koster me fecit Amstelodami 1671». В Никитской церкви два колокола с латинскими надписями; на одном: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другом: «Аппо Domiani 1673 Al». В Приписной Феодоровской церкви на Торговой стороне колокол с латинскими надписями вверху около ушей: готическими немецкими четыре слова и год 1680. В Деревяницком монастыре есть колокол пятипудовый древней нерусской работы, на нем вылит сидящий на троне апостол Петр с ключом и с надписью над главою: S P T; повыше апостола вылита латинская надпись, к сожалению, почти сгладившаяся.

Город Псков имеет также множество старинных колоколов, но большая их часть без надписей; они сходны между собою, как и храмы этого древнего города.

На колокольне Псковского кафедрального собора двадцать два колокола, из которых самый большой, имеющий в диаметре $3\frac{1}{2}$ аршина, весом 600 пудов.

Одним из старинных колоколов считали во Пскове колокол в церкви св. первоверховных апостолов Петра и Павла (на бою), основанной в 1373 году. Колокол этот упал с колокольни в 1804 году и уничтожил даже придел в церкви во имя Знамения Пресвятой Богородицы.

В церкви св. Василия Великого (на горке), основанной в 1413 году, находился некогда *осадный* колокол. Этот колокол во время приближения неприятеля давал знать об этом псковичам своим звоном.

Во Пскове существовал, как и в Новгороде, свой *вечевой* колокол, но в воскресенье утром, 13 января 1510 года, в последний раз ударили в этот колокол, вместе с покорностью псковичей московскому царю; колокол был спущен с колокольни св. Троицы и свезен на Светогорское подворье, в подвал церкви Иоанна Богослова, при общих слезах псковичей о своей старине и утраченной ими воле. 26 января 1510 года, вместе с тремястами семейств псковичей, вечевой колокол был отвезен в Москву князем Михаилом Даниловичем Щенятевым. При отъезде же самого великого князя из Пскова он взял с собою и другой любимый псковичами, колокол называвшийся *Корсунским*, взамен которого уже в 1518 году прислал им к соборной Троицкой церкви большой колокол.

В Муромском уезде Владимирской губернии, есть село Мошка, в древности вотчина князей Воротынских. На колокольне этой церкви есть колокол с надписью, что он пожертвован в 1546 году князем Алексеем Ивановичем Воротынским. Колокол этот давно разбит; но народ бережет его как святыню, и каждый из стариков этого села во время Пасхи хоть один раз побывает на колокольне, чтоб ударить в разбитый колокол. Народное предание почему-то почитает этот колокол за святость.

Не менее замечательный колокол находится в Полтаве, в ограде соборной церкви. На нем следующая надпись:

«В року тысяча шестьсот девять десять пятом,

По славном Кази-Кармене от христиан взятом,
За царство Росских царей Петра, Иоанна,
За гетманство Мазепы, Богом дарованна,
Сооружен есть звон сей к Божией славе,
До храму Успения во граде Полтаве,
Из штук Кази-Керменских арматных здобычных.
З придатками материй до звона приличных,
Коштом его милости войск Полтавских вожа
Павла Семеновича Украины вожа».

Внизу: «делал Афанасий Петрович», под ушами вокруг колокола «Року 1695 ноемвриа дня 10»; направо от надписи – семиконечный крест в сиянии, потом герб Герциков, в щите – сердце (Herz) с четвероконечным равносторонним крестом (так называемом греческим), а сверху – из страусовых перьев выходящая рука с копьем, острием влево, и наконец, изображение Божией Матери, в рост с предвечным младенцем на десной руке; возле, у главы Царицы небесной – херувимы, а внизу у самых ног – два ангела.

В брошюре Бучневича о Кази-Керменском колоколе неверно сказано, что упомянутое изображение представляет-де Успение (sic!) Богоматери, причем господин Бучневич опустил главное: по сторонам герба Герцика стоят вертикально буквы И. П. В. И. П., справа: Ц. В. З. П. С., т. е. их *пресветлых царских величеств войск запорожских, etc...*¹⁹ Этот редкий памятник седой старины назначен к уничтоже-

¹⁹ И так далее (лат.).

нию по воле настоятеля Успенского полтавского собора – и в нынешнем году, в августе месяце, он привезен в Москву на завод господина Финляндского для отливки из него нового колокола. Управление Московского исторического музея поспешило сделать эстампаж с надписей на колоколе, а с остальных изображений – копии из гипса.

Неужели, в самом деле, не нашли никаких средств спасти от гибели этот замечательный колокол?

5 июня 1890 года в городе Харькове на колокольном заводе П.П. Рыжова состоялась отливка царского колокола из серебра – колокол предназначен для Успенского кафедрального собора. В первом ярусе колокольни устраивается из железа раковина, в которой и будет висеть колокол; благовест его будет раздаваться ежедневно в час крушения императорского поезда близ станции Борок. Этот колокол имеет 17 пудов 35 фунтов чистого серебра и незначительное количество меди и олова, необходимых для сплава. Сооружение этого памятника-колокола состоялось по мысли архиепископа Амвросия на пожертвования, поступившие от духовенства и других сословий харьковской епархии. Царский колокол имеет аршин с четвертью высоты; на лицевой стороне его находятся вензелевые изображения имен их императорских величеств, а под ними расположены пять медальонов с надписями славянской вязью: Николай, Ксения, Георгий, Ольга и Михаил. На оборотной стороне надпись, кто соорудил колокол, а вокруг вала отмечено само событие, в озна-

менованние которого отлит колокол.

В православных наших церквях на Севере, и особенно в Финляндии, большая часть колоколов иностранного литья. Так, в Кексгольмском соборе колокол вылит в Стокгольме и имеет следующую надпись: «Аппо 1649 Gloria in Excelsis Deo. Duxett Gottes Holf. m Kurken Pudensen me fecit Stochotmen. Qvis contra nos, si Deus pro nobis».²⁰ В Сердобольске, в Петропавловской церкви, точно такой же шведский колокол с надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; me funderat Holmiae» (Стокгольм).

В 72-х верстах от Петербурга, в селе Рождествине, в бывшей вотчине царевича Алексея Петровича, имеются два исторических колокола: первый из них – дар царя Феодора Иоанновича, в 1588 году – взят он из новгородского Антониева монастыря в 1713 году; второй – иностранный, с следующей надписью: «Laudo Deum, populum solo. En ego campana nungam denuncio vana. Congrego devum (?) Anno dom 1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo».²¹

Самый большой колокол в Петербурге на колокольне Исаакиевского собора, вес его 1860 пудов 23 фунта, кроме языка, который особо весит 49 пудов 29 фунтов; всех же колоколов одиннадцать; общий вес их 4349 пуд. 14 фун., стоимость 62 029 руб. 89 коп. Все они отлиты в С.-Петербурге валдай-

²⁰ Кто против нас, если Бог за нас (лат.).

²¹ Хвалю Бога, народ утешаю, Мой колокол никогда не звонит напрасно. Я общаюсь с Богом (?). Год 1619, июнь. Йозеф Ледью лил в Лимино (лат.).

ским колокольным мастером Иваном Макаровым Стуколкиным.

На Петропавловском соборе всех колоколов четырнадцать; самый большой из них 209 пудов. Но замечательными здесь являются часовые колокола, которых 38 различной величины; на каждом из этих колоколов имеется литая надпись на голландском языке, вес в них 16 506 фунтов, вес в молотках 1843 фунта. В Казанском соборе замечательны первые четыре колокола, бывшие на колокольне церкви Рождества Богородицы. Первый большой, *праздничный*, вылит в 1796 году мастером Антипом Дмитриевым, весу в нем 264 пуда 13 фунтов; второй колокол *полиелейный*; лил его в 1762 году алдерман Константин Слизов в Петербурге, весу в нем 129 пудов 25 фунтов; третий *повседневный* вылит февраля 9-го 1762 года тем же мастером, весу в нем 61 пуд 18 фунтов; он разбит и не употребляется. Четвертый колокол вылит в Петербурге «1734 года, ноября 30-го, лил его комиссар Семен Леонтьев» разбит и тоже без употребления. На Смольном соборе большой праздничный колокол, весом в 607 пудов, лил валдайский мастер Смирнов в Петербурге; третий *полиелейный* лил мастер Константин Слизов в Москве в 1757 году, вес его 240 пудов 5 фунтов. В Симеоновской церкви большой колокол, весом в 267 пудов 17 фунтов, лит в городе Валдае, в 1821 году. На Спасо-Сенной колокольне всех колоколов пятнадцать: главный из них весом в 542 пуда 18 фунтов; вылит в Москве в 1780 году января 20-го на заво-

де Ясона Струговщика; язык при нем железный в 17 пудов 5 фунтов; надпись следующая: «Ассесора Саввы Яковлева к церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной». Существует предание, что при жизни Саввы Яковлева, очень тщеславного человека, вышедшего из крестьян Тверской губернии, звонили в этот колокол только тогда, когда он это позволял, и будто бы язык к чему-то прикреплялся особою цепью, которую Яковлев запирает замком, а ключ держал у себя и выдавал его, когда хотел. Другой колокол, *Богородицкий*, в 274 пуда 26 фунтов отлит в 1780 году. Более других древен колокол *повседневный* в 78 пудов 32 фунта, отлитый в 1762 году ко дню возвращения Екатерины II из Москвы, после коронации. В заключение следует еще сказать о двух колоколах, которые в Невской лавре. Первый, самый большой, висит на северной башне в числе других колоколов, вес в нем 800 пудов; он вылит в 1658 году иждивением известного патриарха Никона и перевезен сюда из Иверского монастыря в 1724 году. Другой колокол на южной башне *полиелейный*, весом в 200 пудов. Всех колоколов в Петербурге насчитывается более 1500 штук, из числа которых едва ли треть будет прошедшего столетия.

В нынешнем году за границей изобретен инструмент, цель которого заменить колокола; название ему *кодонофон*. Новый инструмент имеет вид шкафа. В нем помещается несколько десятков труб, по которым ударяет особенный молот. Говорят, что по силе звука кодонофон не уступает са-

МЫМ МОЩНЫМ НАСТОЯЩИМ КОЛОКОЛАМ.